

ЧТО ЕЩЕ СОРВЕТСЯ С ЭТИХ ГУБ? (ПОЭТИЧЕСКИЙ БРЕД АНАСТАСИИ БОЙЦОВОЙ)

Книжка названа просто: «Стихи и поэма». Просто, да неспроста. Это якобы непритязательное, даже как бы смиренное название на самом деле точный выигранный ход, сделан-

ный по расчету или по наитию. Не найдя в заголовке книжки ничего, западающего в память, вы будете просто вынуждены запомнить имя автора: Анастасия Бойцова. Запомнили? Уже хорошо...

Книга оформлена с большим вкусом (что, как ни странно, редкость для наших поэтических сборников); она издана в формате издательской программы Орловской организации Союза писателей России для молодых авторов (стильный дизайн серии выполнен художником Анатолием Костянниковым), которую поддерживает издательство «Вешние воды» (директор Александр Лысенко). Книга вышла под редакцией ответственного секретаря ОО СПР Геннадия Попова, но ответственность за нее всецело ложится на автора; дело редактора – выбрать слабину, вычесать из текста случайные огрехи (у кого их нет?), но главное – не дать автору потерять лицо (если оно у него есть).

Это первая книга поэта. Перед нами хорошо темперированный дебют. Несколько публикаций (основные, кстати, в «Орловском вестнике») подготовили и предварили явление сильной и зрелой книги. Без скидок на молодость автора. В ней собраны лучшие тексты, созданные за пятнадцать лет работы. Конечно, плохо, что автору пришлось ждать так долго. Но то, что плохо для автора, порой хорошо для лите-

ратуры: автору не придется потом собирать по друзьям и сжигать уцелевшие экземпляры.

Открывает книгу... «Прощальная песня»; этот неожиданный жест – характерная черта поэтики Бойцовой: нарушить правила, отвергнуть стандарты, обмануть ожидания – чтобы на входе сбить шаблоны и через смысловое напряжение привести к узнаванию иного.

Быть правым для поэта значит быть неправильным; проторенные тропы ведут в литературные тупики. И в то же время, выбирая свой путь, нельзя терять из виду вершины классики. Порукой тому опыт мировой литературы, в котором глубоко укоренена топка и поэтесса Анастасии Бойцовой. Недоброжелатели, которыми непременно обзаводится каждый суший талант, скажут: книжность! Да, книжность – а как же иначе! Словесность и книжность нераздельны, как две стороны одной нобелевской медали. В работе Бойцовой чувствуются терпение и тщание, с которыми шлифуются самоцвет таланта. Миф о самобытности и спонтанности певческого дара – утешение темных людей, умиленных тремя рифмами к слову «любовь». Как часто ретивые дилетанты ссылаются на вдохновение! Продиктовано свыше – сомнительное алиби графоманов. А как прочтешь ту чушь, что записана ими в духовных спазмах, поневоле усомнишься в вышних и горних... Конечно, в настоящей поэзии всегда есть отзвук священного безумия, но его метафизический источник таится в глубине человеческого существа. Бойцова замкнула слух к искушающим нашептываниям разной стихийной сволочи: в ее поэтическом бреде есть своя логика; но слушает она лишь свой внутренний голос (А нам дается голос. Только голос, // Чтоб не гадать, откуда нам сие), и поэтической судьбой отвечает за свои слова. И тут ей ни бог, ни редактор не в помощь...

Соппротивление косной среде определяется в социальной психологии как нонконформизм... Назовем лучше – непокорство. Именно в непокорстве обстоятельствам места и времени коренится сила ее поэтической позиции... И здесь же таится ее слабость. Современная драма возникает из мучительного отсутствия драматического конфликта. Суть в том, что на самом деле в эпоху постмодерна никто и не собирается нас покорять. Оболванить или облапошить – это да, это чисто конкретно. А так – гуляй, бездомная кошка, сама по себе; никто в тебя даже камень не кинет. Че-

му же тут сопротивляться? Благородный протест идеалиста против идейной пустоты со стороны комичен. И оттого героичен вдвойне. Если Бойцовой нужна карнавальная маска, то вот она: Донна Кихот.

Но вот чего в ее идеализме нет начисто, так это лицемерного снисхождения к читателю. Тексты проложены в несколько слоев аллюзиями и реминисценциями, требующими знания основных культурных кодов. Бойцова сложна не из снобизма. Такова ее авторская манера. Не по уму и не по сердцу – так и не читай; вольному воля... Возьми что-нибудь задушевное, мало ли тихих песен у певцов родного края!

Несмотря на то что стих точен и слог легок, читать Бойцову непросто и нелегко. Эта лирика замешена на страхе и ярости, на страсти и трепете. В ее поэтическом мире уют только снится. Несдержанная нежность обжигает, как внезапный язык пламени, порывом ветра вырванный из костра. Классические розы царапают неостриженными шипами, потому что они не купленные и не дарёные, а уворованные через забор из запретных вертоградов, входы в которые нам заказаны. Восхищает уверенность, с которой она стихотворит. Словно некий неведомый словесный зверь, пойманный и прирученный ею, проходит по неведомым дорожкам речи – следуя тайным интуициям и темным интенциям языка. И в то же время ее стиль изощрен опытом книжности. В ней ленивое лукавство ученой кошки, идущей то налево, то направо, заводящей страстные песни и рассказывающей страшные сказки.

В графу убытков поэтической практики Анастасии Бойцовой я бы поставил следующее. Прежде всего, чрезмерную стилизацию, увлекающую порой в красивую северянщину. От маньеризма до манерности один шаг.. Наткнешься на какого-нибудь драгоценного джентльмена, и хочется с досады обозвать поэтессой... Еще – неизжитый романтический синдром; смутные грёзы, мутные воды подсознания питают корни поэзии, но без надлежащего критического дренажа опасно заболачивают почву стиха.

Впрочем, как мне кажется, автор сознает пределы своей поэтики – и это критерий мастерства и признак зрелости. В лучших ее текстах ностальгия по небывшему прошита суровой нитью стоицизма; ирония и пафос в ее стихах взаимнообратимы:

*Стереги меня, страх,
потому что иначе смеяться
Разучусь и дерзать перестану;
спаси меня, страх!
Стереги меня, страсть.
Говорят, и тряпичным паяцам
Ты для смерти даруешь
высокое чудо костра.*

Завершает книгу поэма «Марфа» – безусловная удача поэта. В евангельской притче о Марфе и Марии Анастасия Бойцова прошла за прописную мораль и услышала умолчание. И обнаружила конфликт, оставленный без внимания. И – как это характерно для ее натуры – не могла не вмешаться. Так случилась поэма. Вход в нее открыт настежь; с порога открывается экспозиция:

*Маленький – два стула и постель,
Без петель – распахивайте шире!
Просто дом, стоящий на отшибе,
Вечно в ожидании гостей.*

А на выходе, после ряда метафорических трансформаций внутреннего напряжения, стоический вывод: тяжба между небесным и земным в человеке не разрешается простым выбором. Все сошлось – глубина темы, увиденной в неожиданном ракурсе, и зрелость рефлексии, тренированной отверженностью; крепкая кость метра и легкое дыхание стиха.

Книга, начавшаяся с прощания, завершается как обещание. Чего? Кто знает...

Что ещё сорвется с этих губ?

Марфа, Марфа, отпрыск непутёвый?..

С уходом признанных мэтров старшего поколения на нашем Парнасе стало сиротливо. Но свято место пусто не бывает. Кто составит новую плеяду? Много самозванных, да мало избранных. Но вот эта небольшая книжка... Если это заявка, ее следует принять весьма серьезно.

Владимир Ермаков